

¹ См.: Пинто М. Петрарка и его политическое значение. СПб., 1867; Bayley C. C. Petrarch, Charles IV and the «Renovatio imperii» // *Speculum*. 1942. Vol. 17. N 3.

² См.: Веселовский А. Н. Петрарка в поэтической исповеди «Canzoniere» // Веселовский А. Н. Избранные статьи. Л., 1939.

³ См.: Корелин М. С. Петрарка как полигик // Русская мысль. М., 1888. Кн. 5, 8; Шепелевич Л. Историко-литературные этюды. СПб., 1905. Сер. 2.

⁴ См.: Гуковский М. А. Итальянское Возрождение. М.; Л., 1947. Т. 1; Брагиня Л. М. Итальянский гуманизм. М., 1977; Хлодовский Р. И. Франческо Петрарка: Поэзия гуманизма. М., 1974. С. 99—106; и др.

⁵ См.: Mattei R. de. Il sentimento politico del Petrarca. Firenze, 1944; Mattei R. de. Petrarca e Roma. Roma, 1974; Macek J. Pétrarque et Cola di Rienzo // *Historica*. Prague, 1965. Vol. 11; Petronio G. Storicità della lirica politica del Petrarca // *Studi petrarcheschi*. 1961. Vol. 7; Jacob E. F. An Approach to the Renaissance // *Italian Renaissance Studies*. L., 1960; Solinari C. Sommario di storia della letteratura italiana. Roma, 1980.

⁶ См.: Petrarca Fr. *Familiarum rerum* // Edizione nazionale delle opere di Fr. Petrarca. Firenze, 1926—1942. Vol. 2—4 (далее — Fam); Petrarca Fr. *Epistolae sine nomine* // Petrarca Fr. *Le anepigrafe*. Trieste, 1895 (далее — Sine nom.); Petrarca Fr. *Rerum senilium liber* // Petrarca Fr. *Prose*. Milano; Napoli, 1955 (далее — Sen.); Francisci Petrarcae *Epistolae de rebus familiaribus et varie* // Studio et cura J. Fracassetti. Florentiae, 1863. Vol. 3 (далее — Var.); Петрарка Франческо. Эстетические фрагменты / Пер., вступ. статья и примеч. В. В. Библихина. М., 1982. Часть посланий Петрарки из сборника «Книг писем о делах повседневных» (далее — Повседн.) цитируется по этому изданию.

⁷ См.: Petrarca Fr. *Invectiva contra eum, qui maledixit Italiam* // Petrarca Fr. *Prose*. Milano; Napoli, 1955 (далее — *Invectiva*).

⁸ Петрарка Ф. Сонеты, избранные канцоны, секстины, баллады, автобиографическая проза. М., 1984. Канцона LIII. С. 357 (ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера канцоны и страницы).

⁹ Petrarca e il petrarchismo / A cura di M. Guglieminetti. Torino, 1977. P. 106.

¹⁰ См.: Macek J. *Op. cit.* P. 22.

¹¹ См.: Bayley C. C. *Op. cit.* P. 338.

¹² См.: *Ibid.* P. 327.

¹³ См.: Petronio G. *Op. cit.* P. 249.

¹⁴ См.: Корелин М. С. Петрарка как политик. С. 46. Бейли приходит к сходному выводу о политической несостоятельности мечтаний Петрарки о возрождении Рима как главы мира, якобы связанной с приверженностью к имперской идее (Bayley C. C. *Op. cit.* P. 339).

¹⁵ См.: Petrarca Fr. *De remediis utriusque fortunae*. Bern, 1610. Libr. I. 116. P. 189.

¹⁶ См.: Petronio G. *Op. cit.* P. 252.

С. В. КОНДРАТЬЕВ
Гюменский университет

СПОРЫ МЕЖДУ СУДАМИ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В АНГЛИИ В НАЧАЛЕ XVII в.

Характеристика особенностей процесса идеологического оформления требований буржуазно-дворянской оппозиции в предреволюционный период предполагает изучение его структурообразующих элементов. В литературе уже отмечалось, что

«большую роль в формировании идеологического арсенала обеих сторон (королевского абсолютизма и буржуазно-дворянской оппозиции.— С. К.) играли вопросы права»¹. Наличие среди лидеров парламента большого числа юристов общего права лишний раз доказывает необходимость рассмотрения той правовой базы, на которую опирались борющиеся стороны. Споры, которые вели суды общего права с королевской властью и другими судебными институтами — Звездной палатой, Канцелярией, Высокой комиссией, — дают для этого достаточный материал. В настоящей статье предполагается осветить одну из подобных дискуссий, выяснить позицию судов общего права, а также затронуть некоторые вопросы политико-правовой аргументации сторонников и противников абсолютизма.

Англия XVI—XVII вв. имела достаточно развитую судебную систему. Эдуард Кок, например, говорит о параллельном существовании более 60 различных видов судов². Среди судов общего права главными были королевские суды, заседавшие в Вестминстере: Суд Королевской скамьи, Суд Общих тяжб и Суд Казначейства. Первый ведал, как правило, уголовными делами, «тяжбами короны», второй — гражданскими делами, «о моем и твоём», третий — делами, связанными с различными финансовыми преступлениями.

Общее право, или право земли — продукт длительного исторического развития. Оно начало формироваться в период правления Генриха II (1154—1189), когда была введена практика разъездных судей. Судьи, вернувшись в Лондон, фиксировали вынесенные решения и местные обычаи. Так постепенно создавались коллекции судебных прецедентов. Эти коллекции и трактаты первых систематизаторов общего права, таких, как Бреттон, Бректон и другие, служили источником при вынесении всех следующих решений.

Таким образом, при вынесении решений судьи опирались не на кодифицированную норму, а на прецедент, какие-то общие положения, традицию, словом, на все то, что называлось «Духом общего права». Излишне говорить о том, насколько был высок авторитет судей, которые считались верховными хранителями и интерпретаторами правовых норм. Будучи должностными лицами короны, судьи не избирались в парламент и, следовательно, не принимали участия в парламентских дебатах. Но поскольку английское право состояло из общего права, статутного права и обычая, и окончательно вопрос о том, какое право выше — общее или статутное — к началу XVII в. еще не был решен, то и королевской власти, и парламенту, не говоря уже о других государственных институтах, приходилось считаться с мнением судей общего права. Вынося решение, судьи, конечно, создавали новые правовые нормы, хотя сами так не считали. Здесь следует учитывать особенности средневековой системы мышления. По мнению судей, они только фиксируют,

декларируют положения верховного права (или фундаментального права у юристов начала XVII в.) Иначе говоря, верховное право проявляло себя через конкретные принципы общего права в частных решениях судей или в статутах парламента³. Это верховное, фундаментальное право, общее право служило правовым обоснованием тюдоровского абсолютизма с его практикой разделения властей.

В Англии считали, что права подданных, границы королевской юрисдикции, прерогативы, власть парламента и юрисдикция судов находятся под контролем и охраной общего права. Эти институты независимы друг от друга и вторжение в сферу компетенции другого института недопустимо⁴. Такое положение удовлетворяло королевскую власть в XVI в., когда новые предпринимательские слои были заинтересованы в союзе с ней, а все государственные институты, как правило, послушно выполняли волю монарха.

Однако в начале XVII в. этот альянс был нарушен. Начинают говорить не о верховной власти «короля и парламента», а об абсолютной власти монарха, как делает это, например, Эдуард Форсет, который сравнивает монарха с душой и, используя эту метафору, доказывает, что воля суверена является таким же безусловным законом для подданных, как и «повеление души для членов тела»⁵. В то же время в сохранении и укреплении принципов общего права были заинтересованы буржуазия и новое дворянство, рассматривавшие его как гарантию вольностей и барьер на пути королевского абсолютизма. В таких условиях независимое положение судов и судей не могло устраивать абсолютистское государство. Яков I хотел бы низвести судей до положения простых королевских чиновников, подчинявшихся приказам короля. В данном стремлении Яков был неодинок. Его поддерживали юристы гражданского права, которые занимались практикой в церковных и некоторых других судах, высшее англиканское духовенство во главе с архиепископом Кентерберийским Ричардом Банкрофтом.

Англиканская церковь, как известно, была надежной опорой абсолютизма в Англии. С конца XVI в. она эволюционизирует вправо: развивается теория о божественном происхождении епископов, начинается отход от кальвинистской догматики и сближение с католицизмом⁶. С этим связано появление канонов, предложенных Банкрофтом, принятых конвокацией и одобренных в 1604 г. Каноны систематизировали те изменения и добавления, которые были внесены в церковную практику в годы Реформации и правления Елизаветы Тюдор. Они предписывали отлучать от церкви за порицание установленного публичного богослужения, 39 статей, обрядов и церемоний, архиепископов и епископов⁷. Проводя эту кодификацию церковного права, духовенство преследовало и другую цель — пресечь попытки парламента вмешиваться в дела церкви.

Юристы гражданского права лишь недавно стали объектом пристального изучения. Бриан Ливек в своем исследовании приходит к выводу о том, что цивилисты всегда выступали на стороне короны, что было обусловлено их полной зависимостью от королевской власти и англиканской церкви, поскольку они, как правило, не имели других доходов, не связанных с их судебной деятельностью, в то время как юристы общего права, занимаясь предпринимательской деятельностью и имея земельные угодья, обычно выступали в качестве адвокатов на стороне буржуазии и джентри.

Среди цивилистов было много выходцев из других стран, в особенности из Италии⁸. Используя такие положения римского права, как «принцепс свободен от соблюдения законов», «то, что решил принцепс, имеет силу закона», а также исходя из представлений о сакральном характере королевской власти, цивилисты выступили защитниками и идеологами абсолютизма в Англии⁹.

В начале XVII в. профессор римского права Кембриджского университета и викарий архиепископа Банкрофта Джон Коуэлл выпустил книгу «Истолкователь», где, давая трактовку таких правовых терминов, как «король», «парламент», «прерогатива», «субсидии», ставил королевскую прерогативу выше положений права. «Он (король.— С. К.) — пишет Коуэлл,— выше права по своей абсолютной власти, и хотя для того, чтобы лучше и правильнее вырабатывать законы, он действительно допускает три сословия, т. е. духовных, светских лордов и общины в совет (парламент.— С. К.), но делает он это, по мнению различных ученых людей, не по долгу, а по своей милости или в силу клятвенного обещания, принесенного во время коронации... И хотя во время своей коронации он принес присягу не менять права земли (общего права.— С. К.), но, несмотря на это, он может изменить или приостановить действие какого-либо закона, который покажется ему вредным для государства»¹⁰.

Парламент 1610 г. отреагировал на это тем, что потребовал уничтожения книги Коуэлла и тех законов 1604 г., которые «касаются жизни, свобод и имущества поданных»¹¹. 25 марта 1610 г. появилась королевская прокламация, предписывающая уничтожить книгу Коуэлла¹².

В то же время англиканское духовенство и юристы гражданского права попытались укрепить юридическую базу и независимость церковных судов. Споры о границах юрисдикции различных судов Англии велись давно. Современники часто жаловались на то, что эти границы недостаточно четко определены¹³. В расширении их были заинтересованы Суд Королевской скамьи, Суд общих тяжб, Канцелярия. Высокая комиссия с конца XVI в. превращается в постоянно действующий суд, что вызывает отток в нее части дел в ущерб юрисдикции и, что более важно, в ущерб доходам судей и клерков общего права.

Стремление отдельных судов к расширению юрисдикции было закономерным явлением. Таким путем они пытались преодолеть последствия растущей инфляции и увеличить свои доходы. В то же время попытки парламента ограничить королевскую прерогативу и попытки судов общего права расширить свою юрисдикцию свидетельствуют о стремлении буржуазии и джентри занять главенствующее положение у кормила государственной власти в Англии.

Споры между церковными судами и судами общего права о границах юрисдикции начались вокруг «приказа о запрещении».

Суды Королевской скамьи, Общих тяжб, Канцлерский и бароны Казначейства имели право посылать в суды низшей инстанции и церковные, в том числе в суд Высокой комиссии, запретительные приказы, когда считали, что дело, находящееся на рассмотрении данного суда, не относится к его юрисдикции. На основании этого приказа ведение дела приостанавливалось. Затем судьи обеих сторон собирались на конференцию. Если удавалось убедить судей общего права в том, что суд низшей инстанции имеет право рассматривать это дело, издавался «приказ о консультации» и разбирательство возобновлялось. Если же судьи общего права отказывали низшему суду в праве ведения дела, что обычно и случалось, то оно должно было быть передано в суд общего права.

В 1605 г. от имени англиканского духовенства архиепископ Банкрофт представил королю документ из 25 статей, содержащий жалобы на действия судов общего права. Судьи судов Вестминстера составили ответы на них по всем пунктам. Оба документа приведены во второй части «Институций» Эдуарда Кока. С 1606 г. он занимал пост главного судьи Суда Общих тяжб и, несомненно, ему принадлежит главная заслуга в составлении ответов. Всего же под документом стоят подписи «всех судей Англии», т. е. судей Суда Королевской скамьи, Суда Общих тяжб и баронов Казначейства¹⁴.

Церковные судьи жаловались на то, что королевские судьи общего права злоупотребляют своей прерогативой издавать «запрещения» (ст. 5—13), единолично толковать статуты (ст. 20). Кроме того, они присваивают право разбирать дела относительно церковных десятин (ст. 15—18)¹⁵.

Банкрофт и церковные судьи рассуждали следующим образом: раньше, до начала Реформации, когда светская и церковная юрисдикции находились в разных руках — папы и королевской власти, — использование «приказа о запрещении» было обоснованным, поскольку «церковное право не являлось правом земли, а деятельность церковных судов шла вразрез с интересами короля и достоинством королевства». Но после того, как обе юрисдикции де-факто и де-юре были объединены короной, относиться к церковным судам по прежнему — значит

умалять и оскорблять церковную юрисдикцию короны, «как будто обе названные юрисдикции и сейчас остаются в таком же разделенном положении, что и прежде, и как будто церковные законы, которыми мы пользуемся, не являются такими же законами короля и королевства, как и светские законы»¹⁶. Поэтому «духовные лица надеются, что они выбрали добрый путь, ища защиты у Его Величества относительно злоупотреблений, затрагивающих его церковную юрисдикцию, которые вызваны частыми и чрезмерными запрещениями» светских судов. И далее: «Мы полагаем, что всякая юрисдикция, как церковная, так и светская, принадлежит короне этого королевства, и что Его Величество обладает достаточным авторитетом для того, чтобы совместно со своим советом разобраться в том, что является ложным в каждой из названных юрисдикций, и соответственно исправить это»¹⁷.

Естественно, что Банкрофт и церковные судьи считали короля главой судебной системы Англии, но они шли дальше. По Банкрофту, как, впрочем, и по Коуэллу, корона может исправлять и изменять принципы общего права, в данном случае — традиционную форму «приказа о запрещении», т. е. королевская прерогатива ставилась выше положений права. Тем самым делалась попытка обосновать возможность вмешательства королевской власти в процесс судопроизводства, что неизбежно вело бы к ослаблению влияния судей общего права. В силу недостаточной дифференцированности законодательной, исполнительной и судебной власти в средние века опасность данного решения была гораздо большей. Судьи, вынося решения, создавая прецедент, тем самым творили право, т. е. сохраняли рудименты законодательной власти. Попытка поставить процесс судопроизводства под контроль короны несла угрозу не только судам общего права, но и буржуазно-дворянскому блоку в целом.

Что же по этому поводу думали судьи? Они не сомневались в том, что обе юрисдикции подчинены короне, и если в процессе судопроизводства появляются злоупотребления, то их следует исправлять, но освященная правовой традицией практика издания «запрещений» с целью «удержать всякую юрисдикцию в ее истинных границах не может быть названа злоупотреблением, и она не может быть изменена кем-либо помимо парламента». Судьи подчеркивают: «Верно, обе юрисдикции всегда де-юре подчинялись короне: хотя одну из них (церковную. — С. К.) одно время узурпировал Рим, но форма «приказа о запрещении» никогда не менялась, и она не может быть изменена никем, помимо парламента. А попытка незаконно получить от короны право вторгаться или отнимать у светской юрисдикции то, что ей принадлежит *contra coronam et dignitatem regiam*»¹⁸. Это заявление судейской оппозиции чрезвычайно интересно, ибо свидетельствует о том, что, стараясь сохранить независи-

мое положение судов общего права, судьи этих судов рассчитывали на помощь парламента, и в обмен на нее временами готовы были поступиться в его пользу частью своих привилегий. Сближение судей общего права и членов палаты общин перед лицом усиливавшегося королевского абсолютизма будет продолжаться и в последующем. Единая по сути позиция первых и вторых (в числе которых также было много юристов) помогала преодолеть конъюнктурные интересы каждого из этих институтов. Не случайно после поражения судов общего права в 1616 г. лидер судейской оппозиции Эдуард Кок занял место в парламенте и возглавил парламентскую оппозицию короне.

Англиканское духовенство было заинтересовано в том, чтобы добиться сокращения числа судов, способных издавать «приказы о запрещении». По мнению Банкрофта, они должны исходить только от Канцелярии, но не от судов Королевской скамьи и Общих тяжб¹⁹.

Данная позиция была обусловлена тем, что Канцелярия во главе с канцлером Эллисмером была послушным орудием королевского абсолютизма²⁰. Канцлерский суд руководствовался так называемым правом справедливости. Сущность учения о справедливости, которое было разработано в произведениях видных английских юристов XVI в. Кристофера Сен Жермена и Эдмунда Плоудена и которое разделял Томас Эллисмер, состояла в том, что право справедливости было призвано исправлять и дополнять действующие в Англии правовые нормы. Действия канцелярского суда в то время не были связаны с прецедентом и традицией. Судебное разбирательство велось на основе статуты и здравого смысла. Отношения между Канцлерским судом и судами общего права были крайне напряженными, поскольку первый пытался повысить свой юридический статус за счет судов общего права²¹. Канцлер Эллисмер и Яков I, как и церковные судьи, считали, что королевские суды чрезмерно расширяют свои права рассылать «запрещения»²².

Некоторые из «Двадцати пяти статей» касаются прав церковного суда — Высокой комиссии. После своего восстановления в 1559 г. она стала постепенно превращаться в регулярный суд. В 1591 г. Суд Королевской скамьи решением по делу Коудрея фактически признал Высокую комиссию независимым судом²³. Однако границы юрисдикции этого суда оставались неопределенными. Главным объектом критики стало право Высокой комиссии на основе договора об отлучении от церкви налагать штраф и заключать в тюрьму, а также вести следствие на основе клятвы *ex officio*²⁴. По мнению судей общего права, подданные должны были прежде всего узнать о том, в чем их обвиняют, а уж затем приносить эту присягу, что даст возможность определить, входит разбирательство данного дела в компетенцию церковного суда или не входит²⁵.

В ст. 22 Банкрофт утверждал, что «запрещения» затраги-

вают королевский авторитет в церковных делах, потому что светские судьи отказывают членам Высокой комиссии, назначенным королем, в праве заключать людей в тюрьму и налагать штраф. Право это, считал Банкрофт, основывается на акте парламента и королевских патентах. Он приводит пример, когда суд Высокой комиссии заключил в тюрьму двух человек по обвинению в супружеской измене и за угрожающие речи в адрес епископа. Но оба были освобождены на основе приказа о *habeas corpus* Суда Королевской скамьи и Суда Общих тяжб. Относительно данной статьи светские судьи ответили: «У нас нет и никогда не было намерения посягать на церковный авторитет. Но если церковные власти заключают человека в тюрьму, то мы, получив жалобу, что это лицо заключено без должных оснований, обязаны послать за ним для того, чтобы разобраться в этом деле». Если при дальнейшем расследовании они убедятся в том, что данное дело не подлежит разбирательству в церковном суде или обвиняемый заключен в тюрьму несправедливо, то освобождают его²⁶.

В настоящей статье не представляется возможным осветить весь ход борьбы между королевскими судами и Высокой комиссией, поэтому мы вынуждены остановиться лишь на основных ее эпизодах. В 1606 г. королевские судьи в присутствии членов Тайного Совета провели совещание, на котором они потребовали ограничить сферу использования клятвы *ex officio* расследованиями относительно завещаний и семейных дел, а также ограничить право Высокой комиссии заключать в тюрьму и налагать штраф²⁷. В 1607 г. Суд Королевской скамьи (по поводу дела Фуллера) фактически признал за комиссией право заключать людей в тюрьму и налагать штраф в тех случаях, когда речь идет о ереси и схизме²⁸. Это дело интересно тем, что Банкрофт, опасаясь, что оно может закончиться для Высокой комиссии неблагоприятно, обратился к королю. Он утверждал, что, поскольку судьи являются только должностными лицами короны, король вправе изъять у них любое дело и решить его самостоятельно.

Подобная трактовка власти короля в вопросах судопроизводства была опасна, ибо в случае ее признания независимому положению королевских судей как верховных хранителей и интерпретаторов права был бы положен конец. Их функции перешли бы непосредственно к короне, поскольку был бы создан прецедент для неограниченного королевского произвола в вопросах права. Естественно, что судьи, которые считали, что границы королевской прерогативы контролируются и ограничиваются правом, не могли с этим согласиться. Парадоксальность ситуации состояла в том, что определять границы вмешательства королевской власти могли те же судьи общего права, ибо они являлись хранителями и интерпретаторами его. Такова была сила традиции, с которой хотело покончить абсолютист-

ское государство, но которая в данных условиях вполне удовлетворяла буржуазию и джентри.

Для вынесения решения была созвана конференция судей, на которой присутствовал Яков I. Ответить на доводы Банкрофта пришлось главному судье Суда Общих тяжб Эдуарду Коку. Он заявил, что король не может выносить решения ни по уголовным, ни по гражданским делам, так как этим занимаются королевские судьи, обладающие знанием права. На это Яков ответил, что право основывается на разуме, а, по его мнению, все одинаково наделены разумом. Кок с этим не согласился, сказав, что для разбирательства дел, которые касаются жизни и имущества подданных, недостаточно одного природного ума, но необходим ум искушенный, знакомый с уложением права, которое требует продолжительной практики. Он закончил свое выступление словами Бректона: «Король не подчиняется человеку, но он подчинен богу и праву», которые вызвали крайнее неудовольствие монарха. Яков назвал подобные речи предательскими. В конце концов дело закончилось компромиссом, было решено, что право толковать статуты остается за судьями, но они не должны злоупотреблять им и использовать его в свою пользу²⁹. Вопрос о вмешательстве королевской власти в процесс судопроизводства на этой встрече больше не ставился. Интересно отметить, что и Коуэлл также ссылался на Бректона, когда писал о том, что власть короля выше права. Этот факт свидетельствует о том, что борющиеся стороны для обоснования своих позиций использовали весь комплекс правовых источников, не останавливаясь даже перед искажением их.

Споры вокруг границ юрисдикции Суда Высокой комиссии продолжались и в дальнейшем. В 1610 г. Высокая комиссия разбирала дело некоего Ченси о супружеской измене. После того, как Ченси отказался подчиниться приговору Высокой комиссии и оказывать жене материальную помощь, он был заключен в тюрьму. Ченси обратился в Суд общих тяжб за приказом о *habeas corpus*. Суд вынес решение, что Высокая комиссия не имеет права заключать в тюрьму в тех случаях, когда речь идет о супружеской измене. Окончательное решение по данному вопросу должны были внести на заседании Тайного Совета, куда были приглашены обе стороны³⁰. Эдуард Кок специально для этого случая написал трактат, посвященный Высокой комиссии. Свои рассуждения он начинает с «Акта о супрематии» 1559 г., согласно которому еще во времена Генриха VIII были приняты законы с целью возвратить короне старинные права и юрисдикцию. Для этого короне предоставлялось право создавать церковные комиссии на основе королевских патентов для исправления различных злоупотреблений в церкви, таких, как ереси, схизмы и пр.³¹ Кок обыгрывает в различных вариантах термин «восстановление», «возвращение» «*the reformation*». По его мнению, этим актом корона «восстановила свою, утрачен-

ную в прошлом власть под церковной юрисдикцией, но ни в коей мере не расширила ее, а поскольку по английским законам церковные власти в прошлом имели право заключать в тюрьму только за ереси и схизму, то он приходит к выводу о том, что на дела о супружеской неверности это право не распространяется³².

Парламент не остался безучастным к этой борьбе. 7 июля 1610 г. палата общин обратилась к королю с петицией, в которой просила ограничить сферу действия Высокой комиссии и, главное, ограничить ее право заключать в тюрьму и налагать штраф³³. В то же время составители петиции не забыли о приказах королевских судов, таких, как «приказ о запрещении» и о *habeas corpus*. Они просили короля потребовать от своих судей в суде Вестминстера издавать названные приказы всегда, когда это необходимо «по праву»³⁴. В дальнейшем королевские судьи продолжали рассылать «приказы о запрещении». Дж. Кеннион в своем издании документов приводит четыре таких приказа. Всего же за 1604—1611 гг. было издано 44 «приказа о запрещении»³⁵.

Окончательно вопрос о Высокой комиссии был решен королевским патентом 1611 г., который закрепил за этим судом право заключать в тюрьму и налагать штраф в тех случаях, когда дело касается ереси и схизмы³⁶.

Материалы дискуссии между церковными и светскими судами позволяют сделать вывод о том, что это был спор между сторонниками и противниками абсолютизма в Англии. Полемика носила ярко выраженный политический характер, поскольку речь шла о трактовке роли основных институтов государственной системы Англии. С одной стороны, гражданские юристы пытались поставить королевскую прерогативу выше общего права, для чего выдвинули тезис о возможности изменения королевской властью существующих правовых норм и вмешательства в процесс судопроизводства, что неизбежно должно было ограничить законодательную инициативу парламента и покончить с независимой позицией королевских судей, являющихся хранителями и интерпретаторами права, т. е. тех институтов, которые отстаивали интересы буржуазно-дворянской оппозиции. С другой стороны, судьи общего права, стремясь сохранить свое положение и используя для этого традиции общего права, оказались препятствием на пути усиления позиций абсолютизма в правовой сфере. В существующих условиях функционирования и в принципах общего права буржуазия и джентри видели гарантии своих вольностей и свобод. Именно поэтому в сохранении старых по форме, но зачастую новых по содержанию правовых норм были заинтересованы новые социальные слои. В Англии шел процесс адаптации традиционных норм права к нуждам буржуазно-дворянского блока, который в силу социально-экономических и политических особенностей развития этой страны не мог выразить

и обосновать свое стремление к политической власти в «чистом» виде.

¹ Каменецкий Б. А. Идеальная борьба в Англии в период кризиса абсолютизма, конец XVI — начало XVII в. Политико-юридический аспект // СВ. 1980. Т. 43. С. 167.

² См.: Coke E. The institutes of the law of England. L., 1644. Pt. 4.

³ См.: Eusden G. Puritans, Lawyers and politics in early seventeenth century England. Hempden, 1968. P. 44—50.

⁴ См.: Ibid. P. 141—148; Mosse G. L. The struggle for sovereignty in England. N. Y., 1968. P. 4—6; Smith A. G. Constitutional ideal and Parliamentary development in England, 1603—1625: The Reign of James VI and I / Ed. by A. G. Smith. N. Y., 1973. P. 164.

⁵ Forset Ed. Comparative Discours of bodies natural and politigue. L., 1606; The Frame of Order: At Autline of Elisabethan Belief Taken from Treatises of the late XVI-th Centiry / Ed. by G. Winny. L., 1957. P. 95.

⁶ См.: Штокмар В. В. Очерки по истории XVI в. Л., 1957. С. 113.

⁷ См.: The Stuart constitution, 1603—1688: Doc. and comm. / Ed. by G. P. Kenyon. Cambridge, 1966. P. 137—144.

⁸ См.: Levack B. P. The Civil Layers in England, 1603—1641. Oxford, 1973. P. 2—3, 5, 13, 34—36, 42, 47.

⁹ Ibid. P. 86—88. D. 1. 3. 31; 1. 4. 1.

¹⁰ Select statutes and other constitutional documents, illustrative of the reigns of Elisabeth and James / Ed. by J. W. Prothero. 2 Ed. Oxford, 1898. P. 409—410.

¹¹ The Proceeding in Parlament, 1610 / Ed. by E. Foster. New Hawen, 1966. Vol. 1. P. 45, 187—189; Vol. 2. P. 49, 51, 59.

¹² См.: A Bibliography of Royal proclamations of the Tudor and Stuart Sovereigns and others published under authority, 1485—1714 / Er. by R. Steele. Oxford, 1910. Vol. 1. P. 128—129.

¹³ См.: Ellismser T. Memorials for indicatire pro bono publico // Knafla L. Law and politics in Jacobean England: The Tracts of Lord Chance II — lor Ellismser. Cambridge, 1977. P. 274.

¹⁴ См.: Articuli Cleri: Articles of Complaintes against the Judges of the Realm / Exhibited by Richard Bancroft, Archibishop of Canterbury, in the name of the whole Clergy. Michaclmas Term. 3 Jac. a. d. 1605, Together with the Answer thereunto by oll the Judges and Barons // Coke E. Institutions of the Laws of England. L., 1669. Pt. 2. P. 599—618.

¹⁵ Ibid. P. 604—609, 610—613, 613—614.

¹⁶ Ibid. P. 600.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibid. P. 601.

¹⁹ Ibid. P. 609—610.

²⁰ Известный философ, юрист и будущий канцлер Англии Френсис Бэкон в 1615 г. напишет в письме Якову I: «Ваше Величество знает, что ваш канцлер (Эллисмер.— С. К.) является орудием монархии, целиком зависит от короля и, следовательно, заинтересован в охране прав короля» (Bacon Fr. The Works / Ed. by G. Spedding. L., 1868. Vol. 2. P. 223).

²¹ См.: Knafla L. Law and politics... P. 159—163.

²² Ellesmer T. Memorials... P. 278; The Proceeding in Parlament, 1610. Vol. 1. P. 47—48; Vol. 2. P. 61.

²³ См.: Tudor Constitutional documents, 1485—1603 / Ed. by J. B. Tanner. Cambridge, 1922. P. 362, 373—374.

²⁴ Клятва ex officio была введена в 80-е гг. XVI в. архиепископом Уитгифтом. Ее суть заключается в том, что, получив донос, члены Высокой комиссии требовали от подозреваемого принести присягу, формулу данной клятвы и ответить на ряд вопросов, содержание которых не было ему заранее известно. На основе ответов обвиняемого ему затем и предъявлялось обвинение. Таким образом, давая клятву, обвиняемый, в случае ее выполне-

ния, давал показания против себя. Фр. Бэкон в 1603 г. высказался за ограничение сферы использования этой клятвы, поскольку она, по его мнению, противоречила духу общего права: «По законам Англии никто не обязан свидетельствовать против самого себя» (Bacon Fr. The Worcs. L., 1868. Vol. 10. P. 114).

²⁵ Articuli Cleri... P. 617.

²⁶ До принятия акта 1679 г. приказ о habeas corpus издавался для освобождения обвиняемого лица из тюрьмы независимо от того, было ли ему предъявлено обвинение или нет. На основании этого приказа судьи королевских судов освобождали также и тех, кто уже был осужден другими судами.

²⁷ См.: Constitutional Documents of the Reign of the James I, 1603—1625 / Ed. by J. R. Tanner. Cambridge, 1930. P. 147—148.

²⁸ См.: Gardiner S. R. History of England from the accession of James I to the outbreak of Civil war. L., 1904. Vol. 2. P. 37—38.

²⁹ См.: Constitutional Documents of the Reign of James I. P. 186—187; Illsner R. L. James I and Sir Edward Coke // The English Historical Review. 1903. 18. P. 664—675.

³⁰ Gardiner S. R. History of England... P. 122—123.

³¹ См.: Eliz. I. CI. P. 8 // Tudor Constitutional documents. P. 131—133.

³² См.: Coke E. Of the Hight Comission of the causes ecclestical // The Institutions of the Law of England. L., 1644. Pt. 4. P. 330—334.

³³ См.: The Proceeding in Parliament, 1610. Vol. 2. P. 263—265.

³⁴ Ibid. P. 265—266.

³⁵ См.: The Stuart constitution, 1603—1688. P. 95—97: Knafla L. Law and politics... P. 115.

³⁶ Select statutes... P. 427.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ГХИАЗ	— Государственный Херсонесский историко-археологический заповедник
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология
СВ	— Средние века
СХМ	— Сообщения Херсонесского музея
ТОДРЛ	— Труды Отделения древнерусской литературы
ХСб	— Херсонесский сборник
АСО	— Acta Conciliorum Oecumenicorum
Amm.	— Ammianus Marcellinus: Römische Geschichte / Hrsg. W. Seyfarth. B., 1968—1971. Bd. 1—4
AS	— Ancient Society
САН	— The Cambridge Ancient History
CJ	— Codex Justinianus
Claud. In Eutrop.	— Claudii Claudiani In Eutropium // Claudii Claudiani Carmina / Rec. I. Koch. Lipsiae, 1893
Claud In Ruf.	— Claudii Claudiani in Rufinum // Ibidem
Coll. Avell.	— Epistulae imperatorum, pontificum, aliorum Avellana quaedam Collectio (376—553) / Rec. O. Guenther // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum latinorum. Vindobonae, 1895—1898. Vol. 35, 1—2
Com. Marc.	— Marcellini comitis Chronicon // MGH AA. T. 11. Vol. 2. Fasc. 1
CTh.	— Codex Theodosianus / Rec. Th. Mommsen. Berolini, 1905